

К 50-летию ПОБЕДЫ: СОБЫТИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ, МНЕНИЯ

© 1995 г., ЭО, № 6

А. М. Решетов

ОТДАНИЕ ДОЛГА. ЧАСТЬ III, ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ АН СССР ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (некоторые вопросы истории)

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах
И мужество нас не покинет.

А. Ахматова

1941 год начался в Институте этнографии АН СССР с важных кадровых изменений. 2 января в приказе за № 2 сообщалось о постановлении Президиума АН СССР от 24 декабря 1940 г.: «§ 1.1. В связи с назначением академика Струве Василия Васильевича директором Института востоковедения АН СССР, освободить его от должности директора Института этнографии АН СССР. 2. Назначить проф. Винникова Исаака Натановича директором Института этнографии Академии наук СССР с последующим представлением общему собранию АН СССР»¹. В тот же день был издан еще один приказ, за № 3: «На основании постановления Президиума АН СССР от 24 декабря 1940 г. сего числа принял должность Директора Института этнографии АН СССР и приступил к исполнению обязанностей директора Института. Директор Института проф. И. Н. Винников»².

Исаак Натанович Винников (1897—1973)— крупная фигура среди этнографов довоенного периода³. К сожалению, его роль в развитии отечественной этнографии как педагога, исследователя, организатора науки до сих пор не стала предметом специального изучения и не оценена по заслугам. Ученик Л. Я. Штернберга и И. Ю. Крачковского, он после окончания в 1925 г. ЛГУ был оставлен там для преподавательской деятельности на этнографическом отделении. С 1929 г. началась его активная творческая жизнь в Музее антропологии и этнографии, а с февраля 1933 г. в Институте антропологии и этнографии АН СССР. Здесь он зарекомендовал себя как организатор науки, являясь ученым секретарем и заведующим отделом, а также как крупный исследователь социального строя, систем родства, издатель трудов Г. Л. Моргана на русском языке. С восстановлением в ЛГУ этнографического образования он одновременно возглавлял на филологическом факультете кафедру этнографии. В 1941 г. на основе собранных полевых этнографических материалов Винников защитил диссертацию «Арабы в СССР (этнография, фольклор и язык)» и был удостоен ученой степени доктора филологических наук. Именно поэтому назначение этнографа И. Н. Винникова на должность директора Института этнографии АН СССР после языковеда акад. И. И. Мещанинова и востоковеда акад. В. В. Струве можно рассматривать как факт положительный.

Институт этнографии с Музеем антропологии и этнографии в его составе являлся в довоенный период ведущим этнографическим центром в системе Академии наук и в стране в целом. В нем работали такие известные этнографы, как член-корр. АН СССР Д. К. Зеленин, профессора А. Н. Генко, Е. Г. Кагаров, Н. В. Кюннер, а также С. А. Штернберг, С. М. Абрамзон, Е. Э. Бломквист, Г. М. Васильевич, Г. Д. Вербов, Н. Н. Волков, К. В. Вяткина, С. В. Иванов, Н. А. Кисляков, А. Н. Кондауров, Н. П. Никульшин, Л. Б. Панек, А. А. Попов, Г. Н. Прокофьев, А. Л. Троицкая, Н. Б. Шнакенбург и др. При Институте тогда же работала редакция сборника «Советская этнография», которую возглавлял И. Н. Винников.

Первая половина 1941 г. проходила в Институте под знаком реорганизации. Вместо существовавшей ранее параллельной структуры Кабинетов в Институте и Отделов в Музее создавалась новая, единая структура. Приказ за № 24 от 17 февраля гласил: «§ 1. В целях более тесной увязки научно-исследовательской музейной работы, в целях максимально эффективного использования научных работников Института для разрешения стоящих перед ним актуальных задач, а также для внесения большей стройности в структуру Института и укрепления отдельных его звеньев, провести следующие мероприятия:

1. Объединить Кабинет Сибири с Отделом Сибири и вновь образовавшуюся единицу именовать „Отдел Сибири“.

2. Объединить Кабинет Средней Азии с Отделом Передней и Средней Азии и вновь образовавшуюся единицу именовать „Отдел Передней и Средней Азии“.

3. Объединить Кабинет Европы с Отделом Европы и вновь образовавшуюся единицу именовать „Отделом Европы“.

4. Объединить Кабинет Восточной и Южной Азии с отделами Дальнего Востока, Индии, Индонезии и вновь образовавшуюся единицу именовать „Отдел Восточной и Южной Азии“.

§ 2. Назначить заведующим Отделом Сибири Г. Н. Прокофьева. Назначить заместителем заведующего Отделом Сибири старшего научного сотрудника Г. Д. Вербова.

§ 3. Возложить временно исполнение обязанностей заведующего Отделом Передней и Средней Азии на старшего научного сотрудника Н. А. Кислякова. Назначить заместителем заведующего отделом Передней и Средней Азии младшего научного сотрудника В. В. Екимову.

§ 4. Назначить заведующим Отделом Европы члена-корр. АН СССР. проф. Д. К. Зеленина.

§ 5. Назначить заведующим Отделом Восточной и Южной Азии проф. Н. В. Кюннера. Назначить заместителем заведующего Отделом Восточной и Южной Азии старшего научного сотрудника К. В. Вяткину»⁴.

В марте реорганизация продолжилась. В приказе за № 33 от 4 марта говорилось: «§ 1. Объединить Отдел Африки с Отделом Австралии и Океании и вновь образовавшуюся единицу именовать „Отделом Австралии, Океании и Африки“. § 2. Заведование Отделом Австралии, Океании и Африки принимаю на себя»⁵.

Последним был реорганизован Отдел Америки (приказ за № 38 от 11 марта): «§ 1. Влить Отдел Центральной и Южной Америки в состав Отдела Северной Америки и последний именовать „Отдел Америки“... § 3. Вр. и. о. заведующего Отделом Америки принять дела и научные материалы бывшего Отдела Центральной и Южной Америки»⁶.

В дальнейшем, еще в мирное время, производились некоторые кадровые перемещения и небольшие структурные изменения. Этой работе дирекция, как видно, придавала большое значение. И это естественно, ибо затрагивались коренные проблемы взаимоотношений Музея и Института, музейной деятельности и научно-исследовательской работы. Прежняя система, таким образом, была разрушена, а новую так быстро в первую половину года отработать по-настоящему не удалось.

Ведь имелось немало и других дел, также достаточно важных. Институт этно-

графии просил Президиум АН СССР о финансировании в 1941—1942 гг. дезинфекционной камеры⁷. Уже давно остро стоял вопрос о фондах для хранения коллекций Музея. Новая дирекция поставила вопрос о передаче для этнографических фондов помещения бывшего Геологического музея (Биржевой проезд, 6)⁸. Рассматривался и вопрос создания «Общества музееведов»⁹.

В Институте существовала традиция отмечать годовщины трудовой деятельности сотрудников в Институте. В приказе за № 1 от 2 января 1941 г. сообщалось о постановлении Президиума АН СССР от 24 декабря 1940 г. премировать проф. Н. В. Кюнера в связи с 40-летием его научной деятельности¹⁰. В приказе за № 5 от 8 января 1941 г. директор Института объявлял благодарность заведующему Кабинетом Европы и Библиотекой члену-корр. Д. К. Зеленину за большую и плодотворную работу в области этнографического изучения народов СССР и активное участие во всех начинаниях Института. В тот же день с таким же юбилеем поздравляли и проф. Е. Г. Кагарова¹¹.

11 марта в связи с 10-летием работы в Институте препаратора А. А. Лукашиной дирекция отметила ее «высокосознательное отношение к своим обязанностям, исключительную заботу о сохранении музейных коллекций и постоянное стремление к повышению своей производственной квалификации»¹². В связи с исполнившимся 26 апреля 40-летием непрерывной работы в Музее научно-техническому сотруднику Отдела археологии Н. Р. Косниковскому была объявлена благодарность. Торжественно коллектив Института отметил 18 июня 20-летие трудовой деятельности машинистки Александры Николаевны Калдыкиной, всеобщей любимицы. Дирекция объявила ей благодарность и выдала премию в размере месячного оклада¹³.

Наступило лето — пора экспедиций. 17 июня в Тюмень, Тобольск и в Ханты-Мансийский национальный округ Омской области для сбора материалов по этнографии хантов и закупки этнографических коллекций выехала Н. Ф. Прыткова. 18 июня к вепсам Винницкого района Ленинградской области отправился Н. Н. Волков. До сентября в длительную командировку — в Ташкент, Маргилан и другие города — отбыла А. Л. Троицкая. В командировку в Москву 14 июня поехал антрополог Е. В. Жиров, а этнограф Н. А. Кисляков собирался 23 июня отбыть в Сталинабад. Заведующий Отделом учета и хранения И. Я. Треногов и исполняющий обязанности ученого секретаря Н. И. Насекин получили положительные отзывы. 19 июня вернулся из командировки по закавказским республикам заместитель директора Института С. М. Абрамзон, куда он выезжал для ознакомления с работой этнографических учреждений Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР и по делам Института¹⁴.

Казалось, Институт жил обычной жизнью, решая повседневные и перспективные задачи как любое академическое учреждение страны. Но возникали и непредвиденные ситуации, также характеризовавшие то время. Так, с 9 апреля в связи с призывом на длительные военные сборы был уволен кочегар М. В. Евстратов¹⁵. Еще раньше ушел в армию научный сотрудник А. В. Мачинский¹⁶. Приказ за № 74 от 6 мая обязывал сотрудников Института сдать нормы ПВХО, т. е. противовоздушной и химической обороны. Прием норм и консультации для сдающих нормы возлагался на химинструкторов Е. В. Жирова, В. В. Федорова и И. Я. Треногова.

Приказ за № 87 от 4 июня обязывал всех сотрудников в период с 9 по 14 июня ежедневно являться на работу с противогазами. Заместителю начальника объекта местной противовоздушной обороны (МПВО) Ф. Б. Шапиро предписывалось провести с сотрудниками занятия. Очевидно, поступило какое-то указание сверху, поэтому «начальник объекта» директор Института проф. И. Н. Винников предложил Шапиро продлить занятия по МПВО с 17 по 20 июня включительно (приказ № 96 от 17 июня 1941 г.)¹⁷. Однако в Музее с коллективом никаких учебных мероприятий, судя по документам, не проводилось. Очевидно, разного рода учения по МПВО и ПВХО проводились без осознания сотрудниками надвига-

шейся реальной угрозы, хотя Институт, по решению властей, и был объявлен военным объектом...

22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР объявил в Ленинграде и Ленинградской области военное положение. Уже на следующий день после начала войны в связи с мобилизацией в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию были уволены из Института дворник П. Д. Рыжаков, научно-технический сотрудник Г. А. Гловацкий, младший научный сотрудник А. А. Савинич¹⁸.

Велик был патриотический порыв ученых, как и всех ленинградцев, отдать все силы на разгром врага¹⁹. Добровольцами записались на фронт молодые сотрудники и аспиранты Института этнографии Н. П. Никульшин, Г. Д. Вербов, Н. Б. Шнакенбург, Н. Н. Волков, Д. Н. Лев, Г. Н. Прокофьев, А. Н. Нечаев, Л. И. Лавров и др. Среди них находились и те, кто по состоянию здоровья имел освобождение от воинской обязанности.

В 1941 г. ушли в армию по мобилизации или добровольцами все военнообязанные сотрудники²⁰. При знакомстве с приказами по Институту этнографии АН СССР создается впечатление, что и дирекция и уходившие на фронт сотрудники верили: война будет непродолжительной. Фронтовиков сразу не отчисляли из штата. Это было сделано много позже. И тем не менее в Институте предпринимались необходимые меры по сохранению здания и коллекций. Приказом директора 23 июня с 18 часов в Институте устанавливалось круглосуточное дежурство. В тот же день в целях сохранения музейных ценностей создавалась бригада (начальник С. М. Абрамзон, его заместитель Р. И. Каплан) из трех звеньев (начальник А. А. Попов, С. В. Иванов, Д. А. Ольдерогге), а также санитарное (начальник Б. Ф. Фирштейн) и пожарно-санитарное (начальник Н. Е. Панов) звенья²¹.

С 25 июня до особого распоряжения был закрыт Музей для одиночных посетителей. Сотрудникам Института категорически запрещалось принимать кого бы то ни было без соответствующим образом оформленного пропуска. Причем, и в этом случае вход в Институт допускался только в рабочее время — с 9 часов 30 минут до 18 часов²². В связи с уходом в армию И. Я. Треногова заведующим Отделом учета и хранения с 26 июня назначался А. А. Попов. Приказом от 30 июня в Музее было организовано специальное хранилище, ответственным за которое назначался Р. И. Каплан²³. В Музее приступили к свертыванию экспозиций и подготовке коллекций к эвакуации.

В июле 1941 г. все академические учреждения Ленинграда спешно готовили к эвакуации ценное оборудование и музейные коллекции. Враг рвался к городу и это создавало большие трудности²⁴. Прежде всего следовало подготовить тару. Для эвакуации музейных коллекций, научных рукописных материалов и редких книг специально было изготовлено 320 и отремонтировано 25 имевшихся в наличии ящиков. Всего было подготовлено 314 ящиков, в том числе 289 с музейными экспонатами (около 20 тыс. предметов), и 25 ящиков с наиболее ценными книгами библиотеки²⁵. Однако из-за стремительного захвата немцами станции Мга и блокады Ленинграда (с 8 сентября) оказалось невозможным вывезти подготовленные к отправке бесценные грузы.

Справедливости ради надо признать, что в таком положении оказалось большинство учреждений АН СССР и музеев города²⁶. По договоренности с Государственным Эрмитажем 125 ящиков с наиболее уникальными предметами в конце сентября — начале октября 1941 г. были сданы на хранение в его подвалы. От имени Института передачу ящиков осуществляли заместитель директора С. А. Абрамзон и заведующий специальным хранилищем Р. И. Каплан. От Эрмитажа приемку производили заместитель директора М. Э. Матье и старший инспектор по учету и хранению Н. Г. Шпринцин²⁷.

Все другие ящики и наиболее крупные предметы были размещены в залах первого этажа старой части здания Института, под его прочными сводами. Некоторые вещи оставались сложенными внизу в экспозиционных шкафах. Часть экспонатов, в том числе заспиртованные коллекции Петровской Кунсткамеры

(около 2000 банок) разместили в специально отведенных подвальных помещениях здания МАЭ²⁸. Итоги этой большой и кропотливой работы были подведены на общем собрании научных сотрудников Института 24 октября. Определены были и перспективы на ближайший период²⁹.

Само время, сложившаяся обстановка и руководство города ставили перед коллективом все новые и новые задачи. Большую опасность для исторического здания Кунсткамеры представляло размещение на его башне огневой зенитно-пулеметной точки, откуда первое время велось наблюдение за продвижением противника. Окна угловых кабинетов первого этажа были заложены кирпичом, а незакрытые щели служили амбразурами. Напротив здания на Университетской набережной были устроены дзоты. Вход в Таможенный переулок преграждало проволочное ограждение³⁰. К счастью, огневая точка на башне здания просуществовала недолго.

30 июня по приказу директора появился институтский штаб МПВО в составе С. М. Абрамзона (начальник штаба), Ф. Б. Шапиро и А. Н. Кондаурова. В Кабинетах Института были поставлены бочки с водой, сложены лопаты, щипцы и ломы³¹, а 65 окон подверглись затемнению. В различные звенья общеинститутской команды МПВО было включено 26 сотрудников; в их обязанность входило круглосуточное дежурство в две смены. Для организации телефонной связи штаба с объектами в Институте и в фондах сотрудники уложили телефонный кабель. Они провели очистку чердака, стропил, обрешетки, сделали частичное покрытие двух обрешеток огнестойким раствором. На чердак площадью в 450 кв. м была поднята тысяча ведер песка, который уложили ровным слоем. На чердак же дополнительно подняли еще 300 ведер песка для тушения зажигательных авиабомб³². И хотя это делалось ценой невероятных усилий, все сотрудники понимали настоятельную необходимость и полезность проводимых мероприятий.

Угроза зданию была вполне реальной. Сотрудникам удалось потушить несколько бомб на крышах зданий Института и фондов, что нашло отражение в приказах дирекции. Вот один из документов того периода: «Во время воздушного налета в ночь с 10 на 11 сентября с. г. одна зажигательная бомба упала на крышу здания Института в районе поста № 3. Попадание бомбы было своевременно обнаружено начальником поста, главным бухгалтером Института Л. И. Судаковым, который быстро потушил бомбу и тем предотвратил возникновение пожара. За энергию, смелость, а также высокую бдительность, проявленные Л. И. Судаковым во время воздушного налета фашистских стервятников, объявляю ему благодарность».

К сожалению, у людей не всегда хватало сил справиться с вражеским огнем. Так, в ночь на 18 октября 1941 г. сгорело перекрытие башни здания Института. И в тяжелых условиях блокады дирекция обратилась в Отдел охраны памятников с просьбой сделать временное перекрытие, которое в целом сохраняло бы контуры исторического здания Петровской Кунсткамеры³³.

С 8 июля 1941 г. все сотрудники приступили к обязательному обучению методам противовоздушной и противохимической обороны. Ответственным за подготовку сотрудников к противовоздушной обороне был назначен инструктор ПВХО археолог В. В. Федоров. Позднее обязанности начальника противохимической защиты объекта возлагались на антрополога Е. В. Жирова. С 8 июля всем сотрудникам вменялось в обязанность постоянно иметь при себе противогазы³⁴.

Вскоре после начала войны коллектив Института, как и все горожане, участвовал в окопных работах под Новгородом, Шимском, на Карельском перешейке, у деревни Девяткино и в других местах³⁵. С 3 сентября ответственным за выполнение оборонных работ назначался антрополог А. Н. Юзефович. Работало одновременно несколько групп: с 14 по 26 июля 16 человек, с 17 по 30 июля 7 человек, с 22 июля по 8 августа — 5, с 23 по 30 июля — 13, с 28 июля по 13 августа — 10, с 11 по 19 августа — 12 человек и т. д.³⁶

Г. Д. Вербов из Красного Села писал в Институт: «Я со своей стороны стараюсь оправдать свое новое звание и работаю изрядно»³⁷. Б. В. Фирштейн докладывала:

«Группа благодарит дирекцию за проявленную заботу о ней. Продукты оказались кстати, а также деньги. Сегодня впервые получили хлеб и сахар. Срок возвращения в Ленинград не определен. Передавайте родным привет»³⁸. В Ручьях работала женская группа под руководством А. Н. Юзефовича³⁹. Рыли щели для укрытия во время бомбежек на Большом проспекте Васильевского острова, у здания Фондовой биржи, на о-ве Голодай...⁴⁰

Все это тяжелым бременем ложилось на плечи оставшегося преимущественно женского коллектива Института, что побудило директора Института Винникова, несмотря на тяжелые обстоятельства военного времени, 30 августа обратиться к председателю исполкома Василеостровского райсовета Ленинграда Кускову с письмом. «В штате Института, — сообщал Винников, — числится 66 сотрудников, из которых 4 человека — добровольцы, 5 человек переведены на казарменное положение в отряд народного ополчения, 2 человека находятся в командировках, 23 человека по возрасту и состоянию здоровья (имеют соответствующим образом оформленные справки) не подлежат привлечению к трудовой повинности. 1 человек мобилизован по линии районного штаба МПВО, 3 человека входят в круглосуточную охрану (вахтеры) и 3 человека — дворники, несущие также круглосуточные дежурства. Таким образом, для несения дежурств на пожарных постах остается всего 25 человек. Между тем Институт имеет 2 здания., что требует единовременного дежурства на пожарных постах не менее 30 человек...

Исходя из вышеизложенного, Институт этнографии обращается к Вам с просьбой полностью освободить сотрудников Института от участия в трудовой повинности, учитывая также, что за последние две недели Институт сократил свой штат на 40%»⁴¹.

Несмотря на просьбу директора, сотрудники Института привлекались на трудовые работы практически до середины декабря 1941 г.⁴² На оборонных стройках в общей сложности было выработано около 1200 человекодней, т. е. в среднем на каждого сотрудника приходилось 15 человекодней. Если же считать только трудоспособных, то на каждого приходилось 30 человекодней⁴³.

Как видно, оставшиеся сотрудники, без учета ушедших на фронт, приняли на себя всю тяжесть разнообразных работ по сохранению музейных коллекций и здания, по участию в оборонном строительстве. Причем этот коллектив действовал в значительно меньшем, чем раньше, составе в связи с тем, что в июле—августе 1941 г., согласно постановлению Штатной комиссии СНК СССР, было произведено сокращение штатов. Если в довоенное время Институт насчитывал 108 человек, то на 1 сентября 1941 г. только 56 человек, без учета состоявших в штате 5 добровольцев. Коллектив научных сотрудников включал в себя 30 человек. Таким образом, основные кадры Института были полностью сохранены⁴⁴. Большая часть сотрудников оказалась уволенной в связи с частичным сокращением объема работ по Институту, некоторые подали заявления об уходе по собственному желанию, в том числе по причине намечавшейся личной эвакуации из города. Из-за невозможности возвращения из экспедиции к месту работы пришлось отчислить из штата Института А. Л. Троицкую и Н. Ф. Прыткова⁴⁵.

Институт этнографии АН СССР по согласованию с вышестоящими академическими и административными органами готовил и несколько раз представлял списки сотрудников, подлежащих эвакуации. Одним из первых был представлен список в 20 человек, включавший среди прочих С. А. Штернберг, Н. П. Дыренкову, А. Б. Пиотровского, Г. Н. Прокофьева, Н. А. Липскую, Н. Н. Тихоницкую⁴⁶. Другой список состоял уже из 64 фамилий⁴⁷.

Из блокадного Ленинграда вылететь можно было только по постановлению правительственных органов. Это постановление распространялось на ведущих ученых и директоров институтов. 19 ноября 1941 г. директор Института этнографии проф. И. Н. Винников подписал приказ, который гласил: «§ 1. По постановлению Правительства, сего числа выезжаю из Ленинграда в распоряжение Президиума Академии наук СССР. § 2. На время моего отсутствия исполнение обязанностей директора Института возлагаю на заместителя директора С. М.

Абрамзона»⁴⁸. Из ведущих ученых Института в Самарканд был эвакуирован член-корр. АН СССР, проф. Д. К. Зеленин, в Алма-Ату — проф. Н. В. Кюнер. 23 декабря 1941 г., сообщая в Комиссию по ленинградским учреждениям АН СССР об отъезде И. Н. Винникова, Д. К. Зеленина и Н. В. Кюнера, дирекция Института ставила вопрос о скорейшей эвакуации С. А. Штернберг, А. Б. Пиотровского, Г. Н. Прокофьева, Д. А. Ольдерогге, С. В. Иванова и Г. И. Петрова⁴⁹.

С началом войны быт сотрудников коренным образом изменился. В подвалах здания Института были оборудованы два бомбоубежища: одно для граждан, которые в случае воздушной тревоги выходили из трамваев у Республиканского (ныне Дворцового) моста, второе для всех сотрудников Института. В бомбоубежищах установили 10 печей-временок⁵⁰. Приказом от 2 сентября 1941 г. были переведены с 4 сентября на казарменное положение сотрудники А. Н. Кондауров, Г. Г. Стратанович, С. В. Иванов, А. А. Попов, В. В. Федоров, В. Н. Насекин, Е. А. Максимова. Переведенные на казарменное положение должны были каждый день неотлучно находиться в здании Института. Примечание к приказу гласило, что отлучка из здания «допускается только с разрешения директора или его заместителя».

Коменданту здания В. В. Федорову предлагалось к 4 сентября оборудовать помещение для лиц, переведенных на казарменное положение и организовать хозяйственное обслуживание специальной комнаты⁵¹. С 15 сентября на казарменное положение при Институте были переведены также Е. В. Жиров, Г. И. Петров, Д. Н. Лев, А. Шакурова. Все они питались в расположенной рядом академической столовой, к которой имели прикрепление все сотрудники Института.

Перевод части сотрудников на казарменное положение позволил дирекции более рационально использовать их в работах по сохранению музейных ценностей и самого здания. Как показывает книга приказов, бытовые трудности у тех, кто жил дома, стали усугубляться со второй половины сентября. Тогда же резко возросло число заболевших. Многие сотрудники, иногда с семьями, начали селиться в подвальных помещениях здания Института. Сообща было легче заниматься отоплением «коллективного жилища». Так, зимой 1941—1942 г. в Новой Деревне разобрали пустующий двухэтажный деревянный дом и на санках перевезли «топливо» в Институт⁵². Люди старались помочь друг другу: приносили большим обед из столовой, кипятки и т. д.

В это время предпринимались меры по улучшению питания сотрудников, а именно получение мест в академическом зале столовой, где не надо было стоять в очереди, принятию сотрудников в члены Дома Ученых, где имелись условия для более усиленного питания, оформлению продуктовых карточек 1-й категории и т. д.⁵³. Тем не менее сотрудникам Института становилось все труднее переносить житейские тяготы, холод и голод. Первой умерла 28 октября 1941 г., тюрколог Н. П. Дыренкова. Суровая блокадная зима 1941—1942 г. унесла жизни многих сотрудников...⁵⁴.

Несмотря на тяготы и лишения, коллектив Института этнографии, как и все ленинградцы, принимал посильное участие в борьбе с врагом. Это была прежде всего моральная поддержка воинов — бывших сотрудников Института, с которыми многие более или менее регулярно переписывались, вселяя в них оптимизм, веру в скорую победу. Приходивших с фронта коллег тепло встречали и помогали чем могли.

Учитывая недостаток подробных карт пригородов Ленинграда, Л. Б. Панек передала на фронт карту для дачников, изданную в 1902 г., а С. А. Штернберг — подозрную трубу, которой пользовался в экспедициях Л. Я. Штернберг⁵⁵. Сотрудники Института передавали в фонд обороны семейные реликвии, золотые и серебряные вещи, а также деньги⁵⁶.

Ученые Ленинграда, в том числе сотрудники Института этнографии АН СССР, с самых первых дней войны были движимы одной мыслью: все для фронта, все для победы! В начале июля 1941 г. ленинградские ученые академики А. А. Байков, В. В. Струве, А. А. Ухтомский, А. Е. Фаворский, профессора Д. И. Дейнека, В. М.

Жирмунский, С. С. Кузнецов, Я. С. Эдельштейн и другие обратились к коллегам с призывом увязывать свою научную деятельность с потребностями фронта и тогдашнего времени. «Мы призываем вас, ученые Ленинграда, — говорилось в обращении, — разрабатывать сейчас только те темы, которые необходимы делу обороны страны, которые принесут быструю, реальную пользу фронту, разрабатывать их денно и нощно, не щадя сил и времени, с тем истинным энтузиазмом, на который способны советские ученые»⁵⁷.

По заданию Политического управления Красной Армии сотрудники ряда институтов АН СССР приступили к составлению историко-географо-этнографических справочников о народах мира. Был оперативно пересмотрен и научный план Института этнографии, о чем послан доклад в Президиум Академии и академику-секретарю Отделения истории и философии АН СССР акад. А. М. Деборину. «В план Института на 1941 г., — говорилось в докладе, — включен ряд заданий, имеющих оборонное или особо актуальное значение. В частности, отделы работают над подготовкой к печати серии небольших по объему книг (до 2-х печатных листов каждая), посвященных этнографии зарубежных, главным образом граничащих с СССР стран: Польши, Чехословакии, Югославии, Румынии, Финляндии, Швеции, Норвегии, Турции и т. д.»⁵⁸.

Отдел антропологии запланировал выпуск ряда изданий, посвященных разоблачению расовой «теории» германского фашизма. Уже вскоре была завершена работа Г. И. Петрова, направленная против этой «теории». О чехах и словаках писал К. А. Пушкаревич, о народах Югославии, поляках, финнах-суоми Д. К. Зеленин, о народах Закарпатской Украины Н. Н. Тихоницкая, о венграх и греках Е. Г. Кагаров, об афганцах Н. А. Кисляков и А. Н. Кондауров, о народах Индо-Китая Н. В. Кюнер и т. д.⁵⁹.

7 сентября 1941 г. по ленинградскому радио было оглашено письмо академиков С. А. Зернова, И. И. Мещанинова, Л. А. Орбели, П. И. Степанова, членов-корреспондентов АН СССР В. Ф. Шишмарева и С. Е. Малова, профессоров С. Г. Бархударова и К. А. Пушкаревича. В нем говорилось: «Мы живем в городе, над которым нависла непосредственная опасность вторжения врага. Фашистские варвары обстреливают Ленинград из артиллерийских орудий, бомбят мирные жилища, больницы, общественные учреждения крупнейшего научного и культурного центра. Но ни бомбы, ни снаряды врага не остановят, не сломят нашу волю к победе и борьбе. Ленинградские ученые продолжают спокойно и уверенно работать»⁶⁰.

Когда сегодня знакомишься с архивными материалами о деятельности Института этнографии АН СССР во второй половине 1941 г. — первой половине 1942 г., поражаешься несгибаемой стойкости людей, их самоотверженности и вере в правое дело. Голодные, изможденные, они фанатично, но сознательно трудились во имя будущего, во имя Науки. К концу 1941 г. была закончена монография «Белорусы и украинцы воссоединенных областей», продолжалась работа над томом «Народы Сибири и Дальнего Востока» и готовился к печати том «Народы Средней Азии и Казахстана» (из серии «Народы СССР»). Вышел в свет 2-й том «Путешествий Н. Н. Миклухо-Маклая». Велась подготовка к изданию избранных сочинений И. Я. Баховена и Л. Я. Штернберга.

С. А. Штернберг, Е. Э. Бломквист и М. В. Степанова целеустремленно готовили план музейной экспозиции и академической научной сессии, чтобы в 1942 г. отметить 450-летие открытия Америки. Н. В. Кюнер редактировал и дополнял переводы китайских текстов для работы «Китайские известия о народах Амура». Составлялись проспекты статей для «Истории первобытной культуры». 17 ноября 1941 г. в дирекции состоялось совещание с обсуждением глав С. В. Иванова о происхождении искусства и письма и Д. А. Ольдерогге о происхождении и ранних формах животноводства. Под руководством А. Н. Генко заканчивалась работа над двухтомником «Народы Кавказа» («Народы Северного Кавказа» и «Народы Закавказья»). Завершали свои монографии о селькупском фольклоре (20 а. л.) и телеутском фольклоре (10 а. л.) Г. Н. Прокофьев и Н. П. Дыренкова, о таджиках

(20а. л.) Н. А. Кисляков и А. Н. Кондауров, по этногенезу славян А. Н. Юзефович и по этногенезу народов Севера и Европейской части СССР Е. В. Жиров. Продолжались исследования Н. А. Липской о социальном строе нанайцев, Н. П. Никульшина о социальном строе эвенков, Г. Д. Вербова о ненцах, С. А. Штернберг о русских исследователях Северо-Западной Америки и их открытиях и т. д.⁶¹

Полным ходом шла подготовка к защите диссертаций сотрудниками Института. Планировалась защита докторской диссертации «Самодийские языки и проблема происхождения современных ненцев, энцев и нганасан» Г. Н. Прокофьевым, кандидатских диссертаций «Роль труда в антропогенезе» А. Н. Юзефовичем, «Генезис среднеазиатской вышивки ираки» В. В. Екимовой. 20 ноября 1941 г. на имя ректора ЛГУ подана заявка Н. Н. Тихоницкая с просьбой разрешить ей защиту кандидатской диссертации на тему «Коллективные земледельческие работы в сельской общине восточных славян». 16 декабря 1941 г. на заседании Ученого совета филологического факультета ЛГУ успешно защитил диссертацию о таджиках на соискание ученой степени кандидата филологических наук (по этнографии) А. Н. Кондауров, которому оставалось жить ровно два месяца... А. Н. Кондауров в холодной комнате своей квартиры, голодный, усталый, при свете коптилки продолжал работать до последнего дня своей жизни⁶². Готовили свои диссертации Д. А. Ольдерогге, К. В. Вяткина, М. Д. Торэн и др.

Несмотря на то что музейные экспозиции были демонтированы, а наиболее ценные из них упакованы в ящики, музейная работа не прекращалась и занимала по-прежнему важное место в деятельности сотрудников. Продолжались изучение музейных предметов в фондах, регистрация поступивших в музей этнографических и археологических коллекций. Так, в Отделе Передней и Средней Азии было завершено описание уникальной коллекции по персидскому шиитскому празднику мухаррам, в Отделе Сибири — большой этнографической коллекции по народам Амура. В Отделе археологии было зарегистрировано 3045 номеров Супоневской палеолитической коллекции, завершено написание путеводителя по новой археологической коллекции вводного раздела «Происхождение человека» (3 а. л.)⁶³. Проводилось наблюдение за сложенными в шкафах и в Кабинетах музейными экспонатами фондов. 25 декабря 1941 г. в Отделе Сибири обнаружили, что стекло футляра, в котором хранился мумифицированный труп тунгусского ребенка было разбито. Были приняты срочные меры к спасению этого уникального экспоната⁶⁴.

Сотрудники библиотеки Н. П. Шастина, М. А. Магнус, М. Л. Бутник-Северская приводили в порядок книжные фонды, обслуживали сотрудников.

Зима 1941—1942 г. — самый тяжелый период в ленинградской 900-дневной блокаде. Именно в это время коллектив Института этнографии понес наибольшие потери, включая погибших на фронтах и умерших в блокадном Ленинграде⁶⁵. Каждый раз, просматривая списки так рано ушедших из жизни в годы жестокой войны коллег, я невольно думал, что история советской этнографии, антропологии, археологии могла бы быть совсем иной. Скольких ярких, самобытных умов лишились наша наука и страна...

Сегодня кажется невероятным, что люди в это трудное время могли творить. В Институте продолжалась работа над томами серии «Народы СССР», коллективной монографией «История первобытной культуры». А. А. Попов трудился над книгой «Нганасаны», Н. Н. Степанов изучал общественный строй и межплеменные отношения тунгусов в XVII в., Д. К. Зеленин исследовал отражение племенной и национальной культуры в фольклоре народов СССР, М. А. Сергеев писал вступительную статью к тому «Народы Сибири и Дальнего Востока». В научно-популярной серии готовились работы «Племена и народности Голландской Индии» Л. Э. Каруновской, «Племена и народности Австралии и Океании» Ю. М. Лихтенберг, «Народы и племена Бирмы» Г. Г. Стратановича⁶⁶.

1 апреля 1942 г. состоялось первое заседание объединенного Ученого совета, созданного по постановлению Комиссии по делам ленинградских учреждений АН СССР. Председательствовал на нем акад. И. Ю. Крачковский⁶⁷. 27 мая

Ученый совет заслушал доклад Д. А. Ольдерогге «Экзогамия и эпигамия». Его обсуждение продолжилось 3 и 10 июня⁶⁸. В связи с исполнявшейся в 1942 г. 450-летней годовщиной открытия Америки при объединенном Ученом совете был образован подготовительный комитет. Его секретарем стала Е. Э. Бломквист. К юбилею Институт готовил публикацию и научное описание уникальных и особо ценных коллекций по Западной Америке, собранных русскими путешественниками в конце XVIII — начале XIX в.⁶⁹

Ряд сотрудников выступил с научными докладами в ИИМК: 12 июня Д. А. Ольдерогге рассказал о наскальных изображениях Северной Африки. 26 июня Д. Н. Лев сделал сообщение об Ильской стоянке⁷⁰. В 1942 г. в Свердловске под грифом Института была напечатана монография К. А. Пушкаревича «Чехи. Историко-этнографический очерк». В «Известиях ВГО» в 1943 г. вышли публикации статей Н. Н. Степанова, Г. Д. Вербова и др.⁷¹

Восполняя понесенные в ходе войны и блокады потери, Институт привлек к работе известных ученых. На должность заведующего Отделом антропологии был принят С. И. Руденко. На него возлагалась и обязанность наблюдать за общим направлением и ходом работ Отдела археологии. С 1 марта заведующим Отделом Сибири стал М. А. Сергеев. На должность и. о. старшего научного сотрудника был принят Н. Н. Степанов, Е. М. Пещерева заняла должность младшего научного сотрудника. С 1 мая были назначены заведующей Отделом Америки Е. Э. Бломквист, и. о. заведующей Отделом Восточной и Южной Азии К. В. Вяткина⁷². В штат вновь приняли Н. Ф. Прыткова и А. Л. Троицкую. Несомненно, эти кадровые и научно-организационные назначения способствовали оживлению научно-исследовательской и музейной деятельности в Институте.

Музейной работе в блокадный период уделялось исключительное внимание. Вопросы сохранности музейных коллекций регулярно рассматривались на совещаниях сотрудников в дирекции. Такие заседания, в частности, состоялись 24 апреля и 9 июля 1942 г.⁷³ По приказу дирекции от 5 мая 1942 г. в целях дальнейшего обеспечения сохранности этнографических коллекций создавалась комиссия в составе Е. Э. Бломквист (председатель), В. В. Федорова и М. Д. Торэн (последней поручалось в пятидневный срок ознакомиться с состоянием и условиями хранения коллекционных фондов, подготовить план необходимых мероприятий по приведению фондов в порядок. Для ознакомления с состоянием фототеки и условиями хранения фонда негативов, а также разработки проекта мероприятий по упорядочению условий его хранения была создана комиссия в составе Д. А. Ольдерогге (председатель), Г. Г. Стратановича и А. А. Белоуса⁷⁴.

О скрупулезном отношении ко всем видам музейной деятельности свидетельствует, например, докладная записка К. В. Вяткиной: «Настоящим сообщая, что по Отделу Восточной и Южной Азии просмотренные коллекции (выставочные залы), описи и иллюстрированные материалы находятся в удовлетворительном состоянии, за исключением отдельных фотооригиналов, которые отклеились от паспорта. Из повреждений по Отделу следует указать на пробитый осколком снаряда шкаф в выставочной части экспозиции Индии, где повреждена фотография „Искусственное орошение“...»⁷⁵.

Сотрудники проводили выборочный просмотр ящиков в подвалах и сундуков в фондах с особо ценными и уникальными коллекциями в целях их просушки и дезинфекции. Особо тщательно просматривались коллекции, отобранные для возможной эвакуации. Приводилась в порядок документация к коллекциям архивных научных материалов Отделов, осуществлялись разборка безномерного фонда, выявление испортившихся от сырости и плохой промывки негативов и иллюстративного материала и т. д. Была организована работа по сбору и первичной разборке фондов погибших на фронте и умерших в блокаду сотрудников. Готовились юбилейные выставки, посвященные 450-летию открытия Америки и 25-й годовщине Великой Октябрьской революции⁷⁶.

Кроме того, велась и определенная общественная работа: сбор книг для подшефной воинской части⁷⁷. В апреле 1942 г. все, кто имел еще силы, приняли

участие в уборке города, очистке его от снега. Мне вспоминается рассказ А. Н. Калдыкиной, как она вместе с М. Д. Торэн тяжелым ломом скалывала лед возле здания Института⁷⁸. Согласитесь, работа не из легких для ослабевших от недоедания женщин.

Важным событием в жизни Института в 1942 г. были подготовка и эвакуация из Ленинграда большой группы научных сотрудников. Ее осуществлению способствовал и директор Института этнографии проф. Винников, который согласовывал этот вопрос в Президиуме АН СССР⁷⁹. О некоторых деталях подготовки эвакуации можно узнать из сохранившегося письма И. Н. Винникова С. М. Абрамзону из Борового в Ленинград. Приведу его текст:

«7.VII.1942. Дорогой Саул Матвеевич, наконец сегодня я получил впервые за все время от Вас подробное письмо от 7.VI.1942 г. Меня до слез тронуло Ваше отношение к нашему общему делу. Ваше мужество, прямо скажу — Ваш героизм. Вы действительно оказались на высоте положения, как и следовало ожидать. Я надеюсь, что Ваши заслуги перед Институтом будут должным образом оценены в свое время.

В моих многочисленных письмах к Вам я неоднократно высказывал свое мнение по поводу эвакуации научных сотрудников Института. Будучи в Свердловске в начале мая с. г., я этот вопрос обсуждал с Л. А. Орбели⁸⁰. Он предложил мне написать подробную докладную записку, что я и сделал и ему лично вручил. 2 июня получил телеграмму от вице-президента и академика-секретаря В. П. Волгина⁸¹ следующего содержания: „Прошу срочно выслать докладную записку состояния перспективах Института этнографии“. 4 июня я эту докладную записку выслал. Ответа от В. П. Волгина я до сих пор не имею; о принятых им мерах мне также ничего не известно.

Мои предложения сводились к следующему: а) немедленно эвакуировать в Ташкент максимальное количество научных сотрудников; список сотрудников, эвакуация которых желательна в первую очередь, я приложил; б) в случае согласия Президиума с моими предложениями, немедленно отправляю Ф. Б. Шапиро⁸² в Ташкент для подыскания помещений и обеспечения необходимых бытовых условий; с) как только сотрудники прибудут в Ташкент, я выеду туда же на работу.

Я продолжаю до сих пор стоять на той точке зрения, что необходимо при первой возможности эвакуировать из Ленинграда всех сотрудников, представляющих в той или иной степени научную ценность. Наш Институт понес большой урон и вряд ли целесообразно подвергать опасности и риску оставшихся сотрудников. Сотрудники физически ослабели, предстоящие осень и зима могут окончательно подорвать их здоровье. Я исхожу прежде всего из этих соображений. Конечно, я вполне представляю себе условия жизни и работы в Ташкенте. Знаю, что вряд ли удастся создать там сразу нормальные условия для работы, однако, полагаю, что сотрудники будут сохранены и кое-какая работа налажена. Я беседовал с Кара-Ниязовым⁸³, со Струве⁸⁴, Грековым⁸⁵, Толстовым, и все они меня заверили, что помогут устроиться нашим сотрудникам. Повторяю, в Ташкенте будут известные трудности, но зато жизнь сотрудников будет вне опасности.

Мне кажется, что условия эвакуации теперь наиболее благоприятные, прежде всего — тепло. Продумайте, Саул Матвеевич, еще раз этот вопрос и примите благоразумное решение. Может быть, учитывая слабое состояние здоровья многих сотрудников, будет целесообразно остановиться на время где-нибудь в дороге (в Ярославской или Вологодской обл.), подкрепиться, а затем уже выехать прямо в Ташкент. Так многие делали и вполне успешно.

Никаких коллекций не советовал бы брать с собою. Зато считал бы совершенно необходимым забрать с собою все подготовленные к печати рукописи (том „Народы Европы“, том „Народы Сибири“, рукопись Тихоницкой, рукопись Попова, справочники „Народы СССР“, двухтомник „Таджики“ (монограф.) и все другие рукописи, представляющие интерес), а также все книги, которые будут необходимы для работы над вопросами, которые перечислены в Вашем плане. Ваш

план очень серьезный, и я его вполне одобряю. Я очень просил бы Вас поручить Д. А. Ольдерогге *прежде всего* следующие работы: а) этнографический очерк Африки и б) главы для истории первобытной культуры: происхождение и ранние формы земледелия, происхождение и ранние формы скотоводства. Этнографический очерк Африки попал в общий план Академии Наук и его необходимо составить в этом году. Точно также прошу поручить Бломквист и Степановой этнографический очерк Сев. Америки, который также попал в Общий план АН 1942 г. Юбилейный сборник, над которым работают Бломквист и Степанова, представляет общий интерес, и я очень просил бы выслать мне уже подготовленные части (перепечатанные на машинке) для редактирования. Мне в этом поможет здесь Л. С. Берг⁸⁶. С этим делом надо очень торопиться. Бломквист надлежит помнить, что ей придется принять активное участие в „Истории первобытной культуры“ и при выезде захватить необходимую литературу. Отдел Сибири в полном составе должен работать над окончательным редактированием тома „Народы Сибири“. Эта работа должна быть закончена в этом году.

Я нахожусь в регулярной переписке с эвакуированными сотрудниками. Н. В. Кюннеру я поручил составление этнографического очерка Индокитая. Он над этим работает. С. В. Иванов пишет свою главу, которая разрослась. В ближайшее время он обещал прислать мне ее для просмотра. С Зелениным пока не удалось столкнуться. Он предложил мне тему: «Словарь-справочник для преподавателей географии (по этнографии народов СССР)». Я эту тему не могу утвердить. С другой стороны, темы, предложенные мною, он отклонил. Я хотел, чтобы он написал этнографический очерк финнов, или какой-либо другой очерк, по его усмотрению. Не знаю, как быть с ним. Зарубин устроился в Пединституте в Сталинабаде⁸⁷ профессором. На мой запрос о теме научной работе он пока не ответил. Я предложил М. С. Андрееву⁸⁸ вступить в штат нашего Института и наметить план работы. Я от него ответа пока не имею. Вообще, он мне часто пишет. Хорошо, что Вы привлекли к работе Г. С. Виноградова⁸⁹. Я рекомендовал включить его в штат Института: он для нас очень ценный работник.

Что касается моей личной научной работы, то надо сказать следующее. Выполнить какую-нибудь работу, предусмотренную планом, мне очень трудно, не имея под руками ни одной книги по специальности. Я занялся составлением этнографического словаря. Предварительную работу я могу проделать и без книг. Я составил словник. Думаю над определением основных понятий этнографии. Все мои мысли заняты этим. Я придаю этой работе большое значение. Пока не будут определены и четко сформулированы основные понятия нашей науки, очень трудно будет вывести этнографию из того состояния, в котором она находится, и заставить всех признать ее полноценной и полноправной наукой. Конечно, без книг эта работа подвигается медленно. Однако, надеюсь, что кое-что мне удастся сделать. Кроме того, я продолжаю обрабатывать собранные мною материалы во время экспедиций.

Когда я был в Казани, я договорился принципиально о печатании тома „Народы Средней Азии“ отдельными выпусками. Однако я не мог взять на себя осуществление этой работы по следующим причинам: а) мой экземпляр не исправленный, б) меня смущает вопрос о транскрипции, с) я считал, что при новом наборе следовало бы внести в статьи некоторые изменения. Я поэтому заявил, что без Вас трудно будет печатать этот том.

Работы Петрова, Пушкиревича и Зеленина были мною переданы лично бывшему академику-секретарю А. М. Деборину⁹⁰. До сих пор не могу узнать судьбу этих работ. Я уже запрашивал В. П. Волгина, но ответа еще не имею.

Только что получил от Шапиро телеграмму следующего содержания: „Президиумом получена телеграмма 11 июля выезжают Казань Ленинградские учреждения Академии наук. Жду Вашего указания“. Хочется думать, что и Вы вывозите научных сотрудников. Это будет, как я уже говорил, очень благообразно. Обидно будет, если упустите благоприятный случай.

Буду с нетерпением ждать Ваших дальнейших сообщений. Очень тронут

Вашим вниманием и теплым отношением к моей семье. Спасибо за заботу о моей квартире. Никогда не забуду того, что Вы для меня сделали. Привет сердечный всем сотрудникам Института. До скорого свидания. Искренне Ваш И. Винников. Привет от Марии Ефимовны⁹¹.

Я уже Вас просил при выезде захватить с собою научные материалы, сложенные в ящике в моем кабинете. Прошу Вас также забрать оба тома „Путешествий Н. Н. Миклухо-Маклая“⁹².

Хотя это письмо уже не застало адресата в Ленинграде, а потому вошло в архив Института, оно дает верное представление об основных направлениях подготовки сотрудников к эвакуации. 12 июля 1942 г. был подписан приказ по Институту этнографии АН СССР за № 72: «12 июня 1942 г. выезжаю в г. Казань вместе с эвакуированным Институтом»⁹³.

Таким образом, речь шла об эвакуации Института и фактическом перемещении его центра, который в дальнейшем уже не вернется в Ленинград. Одновременно с и. о. директора Института в Казань были эвакуированы старшие научные сотрудники Е. Э. Бломквист, Г. М. Василевич, Л. Э. Каруновская, Д. А. Ольдерогге, А. А. Попов, Н. Н. Степанов, младшие научные сотрудники Ю. М. Лихтенберг, Л. Б. Панек, Е. М. Пещерева, М. В. Степанова и научно-технический сотрудник Б. Г. Кудрявцев⁹⁴. Отдохнув в Елабуге, сотрудники отправились в Ташкент, куда прибыли 2 ноября 1942 г.⁹⁵ Таким образом, начала функционировать ташкентская группа Института — его центр в эвакуации.

(Окончание в следующем номере)

Примечания

¹ Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее — ПФА РАН). Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 44. Л. 1.

² Там же.

³ Об И. Н. Винникове подробнее см.: Милибанд С. В. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1975. С. 113; Глушкина Г. М., Демидова Г. М. И. Н. Винников (К 70-летию со дня рождения) // Народы Азии и Африки, 1967. № 6. С. 155—159; Вопросы филологии стран Азии и Африки. Вып. 1. Сб. в честь проф. И. Н. Винникова. Л., 1971; Памяти И. Н. Винникова // Народы Азии и Африки. 1974. № 5. С. 247.

⁴ ПФА РАН. Там же. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 10 (обр. ст.)

⁶ Там же. Л. 11 (обр. ст.)

⁷ Там же. Ед. хр. 23. Л. 6.

⁸ Там же. Л. 54.

⁹ Там же. С. 19.

¹⁰ Там же. Ед. хр. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Там же. Л. 12.

¹³ Там же. Л. 34.

¹⁴ Там же. Л. 27. 31—34.

¹⁵ Там же. Л. 16.

¹⁶ Решетов А. М. Отдание долга. Часть II. Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР — воинов Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 3—5.

¹⁷ Там же. Л. 14, 23, 29, 32.

¹⁸ Подробнее об этом: Решетов А. М. Указ. раб. С. 6—8.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Кольцов А. В. Ученые Ленинграда в годы блокады (1941—1943). М.; Л., 1962. С. 15—37.

²⁰ Об участии сотрудников Института этнографии АН СССР в Великой Отечественной войне подробнее см.: Решетов А. М. Отдание долга... // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 3—20; № 4. С. 3—24.

²¹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941) Ед. хр. 44. Л. 36.

²² Там же. Л. 37.

²³ Там же. Л. 38—39.

²⁴ Кольцов А. В. Указ. раб. С. 26.

²⁵ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 33. Л. 6.

²⁶ Кольцов А. В. Указ. раб. С. 26.

²⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 37. Л. 17. 26 сентября 1941 г. Институт этнографии АН

СССР выдал архитектору Р. И. Каплану доверенность «произвести передачу уникальных и особо ценных музейных коллекций в Государственный Эрмитаж на временное хранение, а также подписать от имени Института приемно-сдаточные акты». Там же. Ед. хр. 21. Л. 20. Об Эрмитаже во время блокады см.: *Варшавский С., Рест Б.* Подвиг Эрмитажа. СПб., 1995. Жизнь Эрмитажа в период блокады дает возможность лучше понять проблемы МАЭ того же времени.

²⁸ Там же. Ед. хр. 33. Л. 6.

²⁹ Там же. Ед. хр. 24. Л. 68.

³⁰ Об этом см.: *Лавров Л. И.* Институт этнографии в дни блокады. Архив МАЭ. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 6.

³¹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 35.

³² Там же. Ед. хр. 33. Л. 4.

³³ Там же. Ед. хр. 21. Л. 26.

³⁴ Там же. Ед. хр. 44. Л. 41.

³⁵ *Лавров Л. И.* Указ. раб. Л. 4.

³⁶ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 40. Л. 6—7.

³⁷ Там же. Ед. хр. 21. Л. 7.

³⁸ Там же. Л. 8.

³⁹ Там же. Л. 59.

⁴⁰ *Лавров Л. И.* Указ. раб. Л. 4.

⁴¹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 21. Л. 14.

⁴² Там же. Ед. хр. 39.

⁴³ Там же. Ед. хр. 33. Л. 9.

⁴⁴ Там же. Л. 3. См. также Ед. хр. 44. Л. 51—60.

⁴⁵ Там же. Ед. хр. 44. Л. 59, 65.

⁴⁶ Там же. Ед. хр. 40. Л. 23—24.

⁴⁷ Там же. Ед. хр. 20. Л. 2—7.

⁴⁸ Там же. Ед. хр. 44. Л. 72. Не могу согласиться с негативной оценкой поведения И. Н. Винникова в период до его эвакуации из Ленинграда, данной В. Н. Вологдиной. См. *Вологодина В. Н.* Из истории Кунсткамеры: музейные работники в годы войны и блокады // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1994. № 4. С. 163—164. 170, 173. Необъективный подход автора к личности директора приводит ее к курьезному утверждению: у всех водопровод замерз и вода не шла, а «почему-то в помещении, где жил директор музея, вода еще шла из крана» (с. 170).

⁴⁹ Там же. Ед. хр. 20. Л. 15.

⁵⁰ Там же. Ед. хр. 36. Л. 18.

⁵¹ Там же. Ед. хр. 44. Л. 59. Приказом по Институту от 15 декабря 1941 г. были отменены круглосуточные дежурства на пожарных постах; сотрудникам, находившимся на казарменном положении, было разрешено пользоваться выходными днями по особому расписанию // Там же. Л. 75.

⁵² *Лавров Л. И.* Указ. раб. С. 7.

⁵³ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 21. Л. 37, 58.

⁵⁴ Подробнее см.: *Решетов А. М.* Отдание долга... // Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 40—62. «История должна донести до будущих поколений, быть может, самый потрясающий факт трагедии второй мировой войны: почти каждый второй житель осажденного в течение 872 дней и ночей города погиб от голода, обстрелов и бомбежек». См. *Соболев Г. Л.* Блокадный мартиролог: будет ли он закончен? // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 1994. Сер. 2. Вып. 3. (№ 16). С. 8.

⁵⁵ *Лавров Л. И.* Указ. раб. Л. 4.

⁵⁶ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 21. Л. 17—18.

⁵⁷ Ленинградская правда. 5 июля 1941 г.

⁵⁸ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 23. Л. 77.

⁵⁹ Там же. Л. 80.

⁶⁰ *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. М.; Л., 1966. С. 89—90.

⁶¹ Об этом см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 2. Л. 4—24; Ед. хр. 23. Л. 69; Ед. хр. 33. Л. 8—9.

⁶² ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 2. Л. 25—28.

⁶³ Там же. Ед. хр. 33. Л. 9.

⁶⁴ Там же. Ед. хр. 20. Л. 18.

⁶⁵ Подробнее см.: *Решетов А. М.* Отдание долга... // Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 40—61; № 3. С. 3—20; № 4. С. 3—22.

⁶⁶ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 3. Л. 1—2; Разряд VI. Оп. 5. Ед. хр. 60. Л. 61—64.

⁶⁷ *Кольцов А. В.* Указ. раб. С. 96.

⁶⁸ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 3. Л. 14, 18, 22.

⁶⁹ Там же. Л. 3. Ед. хр. 5. Л. 21.

⁷⁰ Там же. Ед. хр. 3. Л. 7, 16.

⁷¹ *Пушкаревич К. А.* Чехи. Историко-этнографический очерк. М.; Л., 1942; *Степанов Н. Н.* Первая экспедиция русских на Тихий океан // Изв. ВГО. Т. 75. Вып. 2. Л., 1943. С. 45—48; *Вербов Г. Д.* О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен // Там же. Т. 75. Вып. 5. Л., 1943. С. 16—23.

⁷² ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Ед. хр. 32. Л. 5, 6, 8, 11, 12, 14. Интересно попутно отметить, что 25 февраля 1942 г. в Ленинград из Башкирской АССР пришло письмо от этнографа Е. М. Шиллинга с просьбой «ходатайствовать в соответствующих органах о вызове меня в Ленинград» для работы в

Института этнографии. Из-за отсутствия возможности вызова в блокадный город даже при наличии места ему был послан отказ: См.: Там же. Ед. хр. 8. Л. 18, 19.

⁷³ Там же. Ед. хр. 5. Л. 47; Ед. хр. 15. Л. 11—12.

⁷⁴ Там же. Ед. хр. 32. Л. 11.

⁷⁵ Там же. Ед. хр. 15. Л. 22.

⁷⁶ Там же. Ед. хр. 5. Л. 1—37.

⁷⁷ Там же. Ед. хр. 15. Л. 71.

⁷⁸ Эти воспоминания А. Н. Калдыкиной воспроизводит и В. Н. Вологодина. См.: *Вологодина В. Н.* Указ. раб. С. 174.

⁷⁹ И. Н. Винников после эвакуации из Ленинграда в Казани и Свердловске встречался с вице-президентами АН СССР академиками В. П. Волгиным и Л. А. Орбели, обсуждал с ними планы работы и положения сотрудников в блокадном Ленинграде. Для поправки здоровья после блокады был направлен в климато-кумысолечебный курорт Боровое Кокчетавской обл. Оттуда он поддерживал с Институтом и соответствующими инстанциями более или менее регулярную связь.

⁸⁰ *Орбели Леон Абгарович* (1882—1958) — русский советский физиолог, действ. чл. АН СССР (1935), АН Арм. ССР (1943) и Академии медиц. наук (1944). В 1942—1946 гг. вице-президент АН СССР.

⁸¹ *Волгин Вячеслав Петрович* (1879—1962) — русский советский историк, действ. чл. АН СССР (1930), в 1942—1953 гг. вице-президент АН СССР.

⁸² О *Шапиро Федоре Борисовиче* подробнее см. *Решетов А. М.* Указ. раб. // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 3—20.

⁸³ *Кара-Ниязов Ташмухамед Ниязович* (1897—1970) — советский узбекский ученый и общественный деятель. В 1931—1933 гг. ректор Среднеазиатского государственного университета. В 1943 г. был избран академиком и первым президентом Академии наук Узбекской ССР.

⁸⁴ *Струев Василий Васильевич* (1889—1965) — русский советский востоковед, действ. чл. АН СССР (1935), в 1937—1940 гг. — директор Института этнографии, в 1941—50 гг. — директор Института востоковедения АН СССР. В эвакуации находился в г. Ташкенте.

⁸⁵ *Греков Борис Дмитриевич* (1882—1953) — русский советский историк, действ. чл. АН СССР (1935), с 1937 г. директор Института истории АН СССР, в 1944—1946 гг. — директор ИИМК АН СССР, в 1946—1951 гг. — директор Института славяноведения АН СССР, в 1946—1953 гг. академик-секретарь Отделения истории и философии АН СССР.

⁸⁶ *Берг Лев Семенович* (1876—1950) — русский советский географ и биолог, действ. чл. АН СССР (1946). Президент ВГО (1940—1950).

⁸⁷ Сталинабад — ныне г. Душанбе, тогда столица Таджикской ССР. Здесь же в 1943—1945 гг. директором Республиканского Музея Таджикского филиала АН СССР работал С. В. Иванов.

⁸⁸ *Андреев Михаил Степанович* (1873—1948) — русский советский этнограф, лингвист. Член-корр. АН СССР (1929), академик АН Узб. ССР (1943). С 1947 г. работал в Сталинабаде.

⁸⁹ *Виноградов Георгий Семенович* (1887—1945) — советский этнограф, фольклорист. Во время войны предполагалось привлечь его к участию в работах Института этнографии АН СССР.

⁹⁰ *Деборин (Иоффе) Абрам Моисеевич* (1881—1963) — русский советский философ, действ. чл. АН СССР (1929), во время войны академик-секретарь бюро Отделения истории и философии АН СССР.

⁹¹ *Мария Ефимовна* — жена И. Н. Винникова.

⁹² ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Ед. хр. 25. Л. 3—6.

⁹³ Там же. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Ед. хр. 32. Л. 18.

⁹⁴ Там же. Л. 18. Особо хочу сказать о Б. Г. Кудрявцеве, бывшем ленинградском школьнике, увлекшемся дешифровкой письменности о-ва Пасхи. 7 июля 1942 г. он был зачислен в штат Института и включен в список эвакуируемых. Вместе с сотрудниками при поддержке Д. А. Ольдерогге он проделал путь до Ташкента. 12 декабря 1942 г. был освобожден от занимаемой в Институте должности ввиду его отъезда на учебу в педагогический институт г. Кызыл-Орда; в 1943 г. во время весеннего ледохода на реке он утонул. См.: Там же. Л. 17; Ед. хр. 7. Л. 7.

⁹⁵ Там же. Ед. хр. 25. Л. 15.

Paying the Debts. Part III. Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences During the Great Patriotic War

The present essay is the concluding part of the three-part article devoted to the Institute's activities during the 1941-1945 war. Here the Institute's work prior to the war, during the blockade and after its lifting is described. The article is based on archives materials.

A. M. Reshetov